

Наталья Тараненко родилась в Одессе. С детских лет начала писать стихи. По окончании школы поступила в Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова на физический факультет. После третьего курса поехала продолжать учебу в Канаду, где с отличием окончила университет, а затем магистратуру в Торонто. В 1994 году вернулась в Одессу, где поступила в аспирантуру по специальности теория чисел.

В этом же году вышел первый сборник стихов Натальи Тараненко "Пишу стихи свои как дневники". Наталья Тараненко была участницей и лауреатом поэтических конкурсов и фестивалей авторской песни. Вторая книга стихов "Слова — рукоделье мое" вышла в 1997 году. Обе книги иллюстрированы автором.

Научные статьи Натальи Тараненко опубликованы в украинских математических и физических журналах ("Astronomical and Astrophysical Transactions", 1996; "Вестник Одесского университета", 1999, 2000; "Украинский математический журнал", 2000; "Matematychni Studii", 2000).

В Одессе, Киеве и других городах неоднократно проводились авторские вечера поэзии и музыки Натальи Тараненко.

Наталья ТАРАНЕНКО

Бродяга, или По ту сторону стены

Капризная ночь. В переулке уже собралось много нищих. Худенькая старушка вжалась в ступеньки. Серый платок, стена, небо то сливались, то пестрели лоскутками. У нее в глазах — остановившиеся часы. Вот большая стрелка, вот маленькая. Мне жаль ее. Я отсчитываю половину своих денег и сую ей в руку. Рука у нее не холодная, не теплая и вообще какая-то неживая. Она ничего не говорит, только кивает и даже не смотрит на меня. Все равно мне жаль ее. Ведь я просто ломаю комедию. И костыль у меня ненастоящий...

А вот здесь я живу. И здесь совсем неплохо. Правда, без крышки. Но зато есть мебель: пустые ящики из-под молока. Я не смог бы жить один. Совершенно один. Поэтому у меня есть собака. Самая умная из всех дворняг. Славный пес! Его зовут Пьеро. Такой же, как я, шут гороховый. Этот пес не оставит меня подыхать голодной смертью...

Послушай меня, дружище Пьеро, пойдем, раздобудем что-нибудь поесть...

Дорога молчит торжественно и важно. Она принимает нас, как радушная хозяйка, с гордостью показывая по сторонам: смотрите, что у меня есть! Аптека. Пивной ларек. Фирменный магазин... Ох, какая девушка перешла нам с тобой дорогу, Пьеро! Она даже на нас не посмотрела... Ты знаешь, что друзья познаются в беде. Спасибо тебе за виляющий хвост и за твои умные уши...

Здесь пересечем улицу. Никого — и ветер... В этом прелесть утра. Ветер пронесется через город, через каждый его гнилой квартал. Возлюби его за все грехи, потому что он — Великий Мученик. Длинная, длинная очередь тополей у моря...

Я не хочу смотреть на витрины, потому что я — не вор. Ранним рассветным часом я пройду через город и обниму памятники на площади, потому что он не плюнет мне в рожу...

Так мы вышагивали по направлению к Мозаичной площади, я — прямо, Пьеро — виляя, растопырив уши и внимательно обнюхивая углы. Улица выглядела навстречу занимающемуся дню, как устрица из приоткрытой раковины. Только устрица не умеет подмигивать, а улица подмигивала нам смеющимся солнечным глазом...

"Отпусти меня, негодяй, отпусти!..." Я обернулся. Странно... Разве деревья так шумят? Я поймал вопросительный взгляд Пьеро. Вот здесь, второй переулок слева. Скорей же, скорей, не пугайся под ногами!

Мы рванули под арку, оттуда — через забор — между домами. Оказались в тихом дворике, где еще не проснувшиеся окна слабо отражали натиск ярких солнечных лучей. Вокруг никого не было...

2

Я люблю лето, потому что летний город — это летний сад, и не приходится думать о крыше над головой. Но солнце било — сильно, тяжело, как никогда раньше, — и мне пришлось сделать панаму из газеты, которую я подобрал на улице. Черная тень упала на глаза, как черные очки,

и заставила предметы изменить цвет. Я прислонился к стене. Это не стена, это крепость... Я вжался в нее. Но она не была холодной. Лучше пойти искупаться в море... Пьеро высунул язык и прижался к моим ногам.

Вдруг я услышал рычание холодильника прямо у себя за спиной. Сначала я подумал, что это урчит у меня в животе. Потом — в голове. Но звук явно шел откуда-то сзади. Я почувствовал слабую, таинственную струю холода, протекающую между лопаток. Я вжался в стену. Холодильник мурлыкал, как кот, у которого чесали за ухом. Полный. Определенно, уверенно полный. Готов поставить все свои ящики из-под молока. Внезапно холодильник фыркнул и остановился. У меня замерло сердце. Кажется, кто-то открыл дверцу... Нет, мне только показалось. Все стихло...

Но как хочется есть! Мой живот прирос уже не к спине, а к стене, на которую я облокотился. Я бросил взгляд вверх — на мгновение мне показалось, что туча набежала на солнце, и оно стало не так палить. Но небо было чисто. Только оно как будто стало дальше от меня... Конечно, в такой яме, в которой я сижу... И все-таки эта легкая дымка, покрывшая предметы... Пьеро, послушай, у меня, кажется, помутилось в глазах от голода... Пьеро по-дружески вильнул хвостом и исчез за темным пятном, покрывшим улицу, дома и даже небо... Звук моего голоса плыл куда-то ввысь, отражался от стен, от неба и от солнца... Никто не откликнулся...

3

Сомнений нет. Я находился там, внутри. Сказать, что я сошел с ума, было бы, конечно, слишком мало. Сказать, что весь мир сошел с ума, тоже, пожалуй, было бы недостаточно. Но ощущение реальности происходящего было настолько явственным, что я не допускал мысли о сне, гипнозе или психическом расстройстве. Чувство голода было осязаемым и здоровым. В комнате было прохладно. Моя панاما валялась на полу. Сам я, приподнявшись на локте, пытался собрать воедино свою материальность для осознания чудовищного факта: я находился внутри дома, у стены которого только что стоял. Эта мысль вызвала озноб и заставила меня резко повернуться. Я отшвырнул занавеску и уперся лбом в стекло. Так. Все сходится. Под этой стеной я стоял, когда потерял ощущение целостности и вещественности, стал прозрачным как воздух, текущим как вода, рассыпчатым как песок, влился сквозь мельчайшие поры в эту комнату, чтобы потом снова воссоединиться с самим собой...

Я поднял свою шляпу. Очевидно, она упала, зацепившись за что-то там. Я осторожно провел пальцами по разорванному краю газеты... И вдруг чувство страха пронзило меня насквозь, и я стал лихорадочно ощущать свое тело. Ведь я мог вернуться оттуда другим: искалеченным, изуродованным, скроенным, собранным не так, как надо... Что только могло случиться с моим несчастным телом, с моими несчаст-

ными молекулами, когда им надо было разъединиться и снова соединиться друг с другом! Холодный пот на лбу. Это хорошо. Естественная реакция. Обмен веществ, должно быть, не нарушен...

Какого черта! Я просто сплю! Я сейчас проснусь у себя дома или на улице, или еще где-нибудь... Я согласен на все: на самую вонючую помойку в городе, только не на эту уютную квартиру с мягкой мебелью и сиреневыми шторами...

И все-таки... Ведь я не сумасшедший и не дурак, чтобы верить в какой-то бред. У меня почти законченное высшее образование. Меня вышвырнули из института на третьем курсе, из дома — на четвертом... Нет, кажется, наоборот. В любом случае, я знаю достаточно, чтобы быть уверенным: этого случиться не могло.

Я почувствовал тошноту. Это была реальная тошнота. Так не тошнит во сне, точно, не тошнит. У меня никогда не было таких снов. Но лучше не думать об этом: ведь не мог же я, в самом деле, пройти сквозь стену...

С моим происшествием мы закончили вничью. Здоровое чувство восторжествовало. Я добрался до холодильника, который уже узнавал по голосу... Ах, почему бы мне не работать в рекламном агентстве? Ведь я смог бы рекламировать все блюда и все напитки, которые только существуют... Продовольственный магазин на северном полюсе. И все бесплатно! Из сострадания к читателю не стану перечислять всего, что я нашел в урчащем железном брюхе...

Стрелки часов текли по циферблату. Я впал в состояние странного забытия, какой-то особенной абстракции. Я снова захотел пережить то ощущение, которое испытываешь, когда оказываешься по ту сторону стены...

Нет, я не знал, как это сделать! Напряжение. Отчаяние. Вена, пульсирующая у виска. Дрожащие руки. Распластался на стене, растекаясь по ней, вдохнул глубоко, потом выдохнул — медленно, плавно... Кажется, на мгновение потерял ощущение собственного тела... Но только на мгновение. Моя воля была песчинкой в безбрежном океане космических сил. "Проклятье!" — я с силой ударил кулаком по стене. Вазочка на столике удивленно подпрыгнула. Я не мог даже разбить на куски эту проклятую стену, не то что пройти сквозь нее...

4

Крыши медленно сползали с карниза горизонта, не в силах удержаться на нем. Я с тоской смотрел, как соскальзывали они вниз, просачиваясь сквозь сито тумана, и только верхушки деревьев напоминали о том, что на дне остался затонувший город. Прохлада вечера едва доходила в мир за стеной, но она чувствовалась за каждым взглядом, который я бросал на улицу через окно. Я замер, прильнув к стеклу, вдохнул глазами, ощутил туман, свежесть и силу ассоциаций, которые заставляют нас думать, что мы совершаем кругосветное путешествие, когда на сцене происходит только смена декораций...

Я понял, что пора уходить. Как нормальному человеку — через дверь... Нет, как преступнику и вору — через окно, тайком пробираться, стараясь, чтобы никто не заметил меня, ведь я не имел ни единой версии объяснения своего появления в этой квартире. О том, чтобы снова раствориться в воздухе, не могло быть и речи...

Я не успел получить приз за свой побег. Метнулся к двери. Повернулся ключ. Дверь отворилась. В комнату вошла пышная роза лет сорока, полная, улыбающаяся. Она закричала чистым пронзительным оперным голосом. Я отшатнулся к стене, уперся в нее, но не прошел сквозь, а так и остался стоять живой аппликацией на обоях, пока женщина не успокоилась, широко разверзнутыми глазами продолжая снедать меня.

"Кто вы такой?"

"Простите ради Бога..."

5

Они не выгнали меня, не избили ногами, не сдали в милицию. Они молча разглядывали меня, как если бы я был метеоритом, упавшим с неба в их гостиную.

"Итак, молодой человек, вы утверждаете, что прошли сквозь эту стену без всякой цели и намерения оказаться внутри нашей квартиры?"

Океанограф? Экскурсовод? Может быть, адвокат?..

Человек в очках потирал свое мясистое лицо. Глагушачий подбородок. Расплющенный нос. Глубокие морщины у рта. Ямка на подбородке.

"Я много думаю о законах непостижимого... Мы часто отвергаем то, что не вписывается в наши представления о мире..."

У каждого явления есть две стороны: объективность и ощущение. Но знаем наверняка мы только об одной из них: об ощущении. И все-таки каким-то загадочным способом мы восстанавливаем объективность, сверяя наши ощущения между собой. По сути, то, что мы называем реальностью, — не более чем статистика ощущений, усреднение, взятая по некоторой совокупности людей...

Рассмотрим ваш простой случай. Что есть стена? Это, в первую очередь, ваше ощущение. Какая она? Твердая, холодная, серая... Почему?

Потому что вы видите и осязаете ее такой. Но представьте себе, что ваши ощущения изменились. Твердость перешла в текучесть, холод — в тепло, серый цвет разложился в спектр. Теперь вы ощущаете мягкость прикосновения... Что при этом изменилось? Ваше тело? Стена? Или ваши ощущения просто перестали соответствовать среднестатистическому значению? Только и всего?..

"Картонный шулер", — пронеслось у меня в голове.

"С вами не произошло ровным счетом ничего необычного. Можно подсчитать вероятность этого события с точки зрения статистики ощущений. Вы согласитесь со мной: она невероятно мала, иначе такие вещи происходили бы на каждом шагу: люди проходили бы сквозь стены, заборы, витрины... Впрочем, тогда понятие твердого предмета утратило бы свое первоначальное значение..."

Но вернемся к вашему феномену. Я утверждаю, что источник явления, которое мы здесь наблюдали, лежит именно в вас, в ваших ощущениях. Вы способны чувствовать не так, как все, в этом — простота парадокса! И вот вы оказываетесь по ту сторону стены..."

"Вы хотите сказать, что все это — плод моего воображения, неправильное восприятие происходящего вокруг меня?"

"Молодой человек, как вы определяете здесь правильное и неправильное? То, что дается вам ощущения — это реальность, такая, какая она есть, что бы против этого ни изволили возразить любители порядка и защитники научных теорий. Как легко опровергнуть все "сверхестественное", исходя из признания универсальности закона! Но ведь все носит только вероятностный характер! Как же насчет эффекта туннелирования?.. А потом самые естественные вещи окружают ореолом мистики и провозглашаются чудесами!"

Кажется, он сумасшедший еще больше, чем я. Уж не хочет ли он ска-

зать, что я туннелировал сквозь стену как некая элементарная частица — через потенциальный энергетический барьер? Нет, до такого маразма я еще не дошел! Конечно, волновая механика — это прекрасно, и принцип неопределенности, и экспоненциальная зависимость эффекта туннелирования от длины барьера... Но при чем здесь моя собственная шкура?

"Послушайте, ведь не каждому явлению необходимо давать некоторое рациональное объяснение? Это начинает походить на навешивание ярлыков! В конце концов, это просто теряет смысл..."

Неудавшаяся попытка примирения. Это только разгорячило его...

"Уважаемый молодой человек! Попытка дать всему разумное объяснение так же естественна, как желание съесть что-нибудь на завтрак. Принцип выживаемости. В этом выражается наша приспособленность к окружающей среде. В данном вопросе я сторонник эволюционной теории. А вы думали, в нас от Бога заложено некое абстрактное стремление к знанию? Ничего подобного! Просто мы извлекаем из этого выгоду, мы привыкли ее извлекать. Абстрактные теории, приносящие практические результаты. Насущный хлеб человечества... Конечно, можно пройти сквозь стену, и ничего не зная об эффекте туннелирования..."

А вот это уж слишком!

"Ваши разглаживания ничего не стоят! И вряд ли они помогут мне попасть обратно на улицу тем же путем, каким я вошел сюда!"

Он ничуть не смутился.

"По крайней мере, они удержат вас от ложных убеждений и ненужных попыток. Даже при вашей склонности испытывать необычные ощущения вероятность того, что вы попадете сейчас сквозь стену и упадете на улицу, тысячу раз равна нулю. Можете даже не пытаться и не надеяться. Лучше возьмите еще бутерброд и расскажите мне подробно о тех ощущениях, которые вы испытали, когда это случилось с вами..."

6

Красивая, очень красивая. Влетела в комнату. Черная лакированная сумочка описала дугу у ее колен. Она смотрит на меня так, как будто мы давно знакомы...

"Как вы себя чувствуете?"

"Что?"

"Боже мой, я боялась, что у вас возникнут неприятности из-за меня. Мы нашли вас на улице. Вам было плохо."

Мамочка, я звонила тебе целый день. Какой-то шок с телефоном. Надеюсь, ты не очень переволновалась?"

Мамочка — побледневшая роза — беспомощно мнет полы халата.

Я дожевываю бутерброд. Неужели я сейчас не смогу провалиться сквозь землю? А как же эффект туннелирования?

"Мы не могли вас оставить на улице. У вас такое интеллигентное лицо..."

Эпилог

Велюровый замок вырисовывается в конце туннеля. Зачем я иду туда, где меня никто не ждет? Лоскутки белой бумаги переносятся ветром, как перекатывающиеся по мостовой...

Она снова лежит на берегу, раскинув руки под солнцем, лоя его золотые волны. А я смотрю на нее. Почему мне интересна эта сцена неподвижности? Потому что она не может быть вечной. Моя собака мудро вопрошает взглядом: молчать? Да, молчи, моя умница, если ты потрявожишь ее, то все испортишь. Давай просто постоим, помолчим и посмотрим на нее. Ну зачем ты фыркаешь, она хорошая девушка...

Мы возвращаемся, проходя ряд прерывистых теней от черно-зеленых деревьев. У меня нет ни гроша в кармане, но солнечные блики похожи на золотые монеты, и мне кажется, что я богат. Я иду по прямой, нигде не сворачивая. Колокол стучит в груди: солнце, солнце, солнце! Светит солнце, и я не верю, что где-то есть ночь.

Пусть обыденность пережеует своими челюстями всю землю, ей никогда не добраться до солнца!